

Александр Романов

ИНТЕРСУБЪЕКТИВНЫЙ ПОДХОД В ПСИХОАНАЛИЗЕ: ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

Представлені основні положення психоаналітичного інтерсуб'єктивного підходу, що, на відміну від інших психоаналітичних теорій, не постулює особливих психологічних сутностей як універсальних пояснень здорового і патологічного розвитку особи, а пропонує методологічні принципи дослідження і розуміння інтерсуб'єктивних контекстів, в яких виникають психологічні феномени.

Ключові слова: психоаналітичний інтерсуб'єктивний підхід, інтерсуб'єктивне поле, емпатія, переживання себе.

Представлены основные положения психоаналитического интерсубъективного подхода, в отличие от других теорий не постулирующего особые психологические сущности в качестве универсального объяснения здорового и патологического развития личности, а предлагающего методологические принципы для исследования и понимания интерсубъективных контекстов, в которых возникают психологические явления.

Ключевые слова: психоаналитический интерсубъективный подход, интерсубъективное поле, эмпатия, переживание себя.

Emergence and fundamentals of psychoanalytic intersubjective approach are referred. Intersubjectivity theory differs from other psychoanalytic theories in that it hasn't particular psychological contents that are presumed to personality development and in pathogenesis. Methodological principles for investigating and comprehending the intersubjective contexts in which psychological phenomena arise are offered.

Keywords: psychoanalytic intersubjective approach, intersubjective field, empathy, self-experience.

Интерсубъективный подход – новейшее направление в современном психоанализе, обосновывающее качественно новый взгляд на проблему понимания психических и психопатологических феноменов. Несмотря на высокий эвристический, психотерапевтический и научно-философский потенциал интерсубъективного подхода, до сих пор практически отсутствует какая-либо исследовательская реакция как со стороны академической науки и философской критики, так и со стороны психотерапевтического сообщества. В связи с этим было бы небесполезно осуществить историко-теоретический экскурс и проследить, какие предпосылки привели к возникновению интерсубъективного подхода в психоанализе, обозначить его основные

теоретические положения и показать, что нового внесли представители этого направления в психоанализ.

Критики традиционного психоанализа, представленного работами З. Фрейда и его последователей, указывали на две его фундаментальных ошибки: во-первых, при объяснении психических и психопатологических феноменов традиционный психоанализ отождествлял понимание и объяснение, и, во-вторых, его объяснительные концепты (трактуемые в духе биологизма и механицизма, характерного для психологии XIX века), как правило, подменяли собой исследуемые феномены. По сути, указывалось на несоответствие психоаналитического концептуального аппарата исследуемым психическим и психопатологическим феноменам.

Понимая «узкие места» предшествующих решений, авторы интерсубъективного подхода подвергают традиционный психоаналитический концептуальный аппарат критической рефлексии. Интерсубъективисты развивают идею Х. Кохута о том, что эмпирическое психоаналитическое исследование ограничено методами эмпатии и интроспекции, из чего делают вывод о необходимости отказа от всех метапсихологических абстракций, которые не только не согласуются с использованием эмпатии и интроспекции, но и препятствуют их осуществлению. В своей теории интерсубъективисты фокусируются на обеспечении последовательного применения эмпатически-интроспективного метода и предлагают пути повышения эффективности и саморефлексивности психоаналитического исследования, что позволяет уйти от ловушек психоаналитического метаязыка и преодолеть отмеченные критиками недостатки предшествующих психоаналитических решений.

1. Предпосылки возникновения интерсубъективного подхода

В XVIII веке в Западной Европе психические расстройства еще объясняли как одержимость демонами, а психически больных людей сажали в тюрьмы строгого режима, истязали и даже сжигали на кострах. Только в XIX веке перед клиницистами, учеными и философами отчетливо вырисовалась проблема научного понимания и объяснения психических и психопатологических феноменов, в XX веке интерес к этой проблеме значительно усилился, а сама проблема стала тесно связана с институционализацией и теоретическим обоснованием современных психотерапевтических школ.

З. Фрейд на рубеже XIX и XX веков начал разработку психоанализа – собственного проекта решения проблемы научного понимания и объяснения психических и психопатологических феноменов. В «Лекциях по введению в психоанализ» З. Фрейд формулирует **базовые утверждения** психоанализа:

1. «Психические процессы сами по себе бессознательны, сознательны лишь отдельные акты и стороны душевной жизни» [8, с. 11].
2. В возникновении нервных и психических заболеваний, а также в основании культурных, художественных и социальных явлений, важнейшую роль играют влечения (см.: [8, с. 12]).
3. Психоаналитическое знание открывает действительное положение вещей, неприятие психоаналитического знания основано на предрассудках и аффектах и является источником сопротивления (см.: [8, с. 12]).

Первое утверждение является теоретически и эмпирически оправданным, оно разделяется многими философами и учеными, а подробная и систематическая разработка проблемы бессознательной мотивации признается важнейшей заслугой З. Фрейда. Второе утверждение возможно лишь в качестве метафоры, так как в ней речь идет об откровенном постулировании сущностей, не только недоступных эмпирическому психоаналитическому исследованию, но и подменяющих его. Третье утверждение, узурпирующее право на истину и дискредитирующее оппонентов, выглядит неуместной для ученого попой, однако в укреплении позиций психоаналитического движения эта поза сыграла немаловажную роль, так как позволила эффективно разделять «своих» и «чужих». Важно понимать характер и значение каждого из этих утверждений (соответственно научно-философский, мифологический и идеологический), несмотря на то, что в производных от них фрейдовских теоретических построениях эти три компонента тесно переплетены. Такое понимание позволяет критически различать продуктивные эвристические представления о бессознательной мотивации от «метафизики» влечений и от психоаналитической идеологии.

Отметим важнейшие философские возражения против психоанализа:

1. В психоанализе осмысленные психические факты сводятся к энергетическим, механическим и биологическим процессам, а «инстинкты наделены чертами осмысленных переживаний» (К. Ясперс, цит. по: [3, с. 51]).
2. Психоаналитические метапсихология и метаязык осуществляют насилие над исследуемыми феноменами, подменяя их собственными концептами (А. М. Руткевич [4; 5]).

Оба критических возражения указывают на неадекватность психоаналитического концептуального аппарата исследуемым психическим и психопатологическим феноменам. Эта неадекватность выражается в том, что психоаналитические теории подменяют понимание обладающих смыслом психологических явлений их объяснением в терминах биологических сил, энергий и механических процессов на манер естественных наук. Собственно основания для подобной критики лежат на «поверхности» фрейдовских произведений. З. Фрейд отождествлял

процедуры понимания и объяснения, смысл также не отличался у него от значения и понимался даже уже, то есть в качестве желания или намерения (см.: [8, с. 22–23]). Говоря о методе психоаналитического исследования, З. Фрейд акцентировал: «Мы хотим не просто описывать и классифицировать явления, а стремимся понять их как проявления борьбы душевных сил, как выражение целенаправленных тенденций, которые работают согласно друг с другом или друг против друга. Мы придерживаемся динамического понимания психических явлений. С нашей точки зрения, воспринимаемые феномены должны уступить место только предполагаемым стремлениям» [8, с. 40]. Здесь отчетливо выражена особенность классического психоанализа: исследование феноменов уступает место рассуждениям о гипотетических сущностях. Иначе говоря, З. Фрейд с легкостью вводит метафизические предпосылки, на которые надстраиваются изощренные метапсихологические конструкции, однако необходимость и оправданность таких метафизических предпосылок никак при этом не рефлексировалась. В этой связи особенно значимыми становятся усилия авторов интерсубъективного подхода, проводящих в психоанализе редукцию необоснованных метафизических предпосылок, методологическую рефлексию и уточнение концептуального аппарата.

2. Основные положения интерсубъективного подхода

Интерсубъективный подход – это новейшее направление в современном психоанализе, развиваемое с конца 1970-х годов группой психоаналитиков-соавторов из США во главе с Робертом Столорой. В 1987 году был издан основополагающий для подхода труд «Клинический психоанализ: интерсубъективный подход». В этой книге, написанной в соавторстве Р. Столорой, Б. Брандшафтом и Дж. Атвудом, критически переосмысливается, уточняется, дополняется или отвергается ряд классических и современных психоаналитических положений. В основании такого переосмысления и в основании интерсубъективного подхода можно выделить три следующих утверждения:

1. Предметом психоаналитического исследования являются психические и психопатологические феномены, обладающие аффективными смыслами, выражающими субъективно организованные переживания собственного опыта.
2. Доступность психических и психопатологических феноменов для эмпирического психоаналитического исследования (как и для «неисследовательского» понимания субъективных переживаний другого человека) ограничивается методами эмпатии и интроспекции.

3. Психические и психопатологические феномены невозможно понять без учета тех intersубъективных контекстов, в которых они формируются, но (!) и само качество присутствия понимающего (или непонимающего) лица также является формирующим intersубъективным контекстом.

В третьем утверждении заложены две важные идеи: переживания формируются и трансформируются в определенных intersубъективных контекстах, являющихся в свою очередь контекстами понимания. Верно и обратное: контекст понимания является формирующим и трансформирующим для психических феноменов. В приложении к психотерапевтической ситуации третье утверждение можно переформулировать так:

3*. Возникновение и исчезновение психопатологических образований всегда происходит в соответствующих intersубъективных контекстах.

Кроме того, с третьим утверждением тесно связаны еще два важных производных практических следствия:

3**. Психическое и психотерапевтическое развитие становится возможным в таком intersубъективном контексте, в котором осуществляется последовательная и соответствующая уровню развития эмпатическая откликаемость на переживания человека, выражающие субъективные способы осмыслить и организовывать его собственный опыт.

3***. На пути осуществления последовательного эмпатического исследования и эмпатической откликаемости стоит множество препятствий, среди которых на первое место выходят значительные несоответствия в субъективных способах организации переживаний собственного опыта и преобразования субъективных конфигураций собственного опыта исследователя в «объективную реальность».

Приведенные утверждения с их расширенными трактовками определяют как дальнейшие теоретические построения intersубъективистов, так и их способ уточнения и дополнения психоаналитического концептуального аппарата. Такое переосмысление психоаналитических основоположений как нельзя лучше согласуется с исследованием психических и психопатологических феноменов, не подменяет их собственными концептами и фокусируется на условиях их возможности. Как видно из этого, предпринятое intersубъективистами переосмысление оснований психоанализа обеспечивает качественно новый уровень понимания психических и психопатологических феноменов, что в практическом смысле означает повышение психотерапевтической эффективности.

Intersубъективисты развивают идею Х. Кохута (1959) о том, что эмпирическое психоаналитическое исследование определяется «границами возможностей интроспекции и эмпатии» [2, с. 298]. Все то,

что принципиально недоступно для этих методов, соответственно и не может попасть в границы эмпирического психоаналитического исследования. Речь здесь идет о том, что психоаналитическое исследование должно ограничиваться изучением психических и психопатологических феноменов, которые не должны подменяться чуждыми биологическими или физическими моделями и метапсихологическими абстракциями. Иначе говоря, интерессубъективисты стремятся путем критической методологической рефлексии привести психоаналитический концептуальный аппарат к наибольшему соответствию исследуемой феноменальной реальности. Сам Х. Кохут об этом же в «Анализе самости» (1971) писал так: «...теоретическая работа без постоянного контакта с материалом, который можно получить лишь благодаря эмпатии, вскоре станет бесплодной и бессодержательной, тяготеющей к чрезмерному увлечению нюансами психологических механизмов и структур и потеряет контакт с разнообразием и глубиной человеческих переживаний, на котором в конечном счете и должен основываться психоанализ» [1, с. 325].

Двумя нововведенными и центральными теоретическими конструктами интерессубъективного подхода являются концепция интерессубъективного поля и понятие конкретизации. **Концепция интерессубъективного поля** представляет процесс психического развития как взаимодействие субъективных миров, а **понятие конкретизации** обозначает символические преобразования «конфигураций субъективного опыта в события и сущности, которые полагаются объективно воспринимаемыми и известными» [6, с. 19].

Основной тезис интерессубъективистов таков: **психические и психопатологические феномены нельзя понять без учета тех интерессубъективных контекстов, в которых они формируются.** С этой точки зрения психоанализ является наукой об интерессубъективности, исследующей взаимодействие наблюдателя и объекта наблюдения таким образом, что и наблюдатель, находящийся внутри интерессубъективного пространства, сам должен быть объектом наблюдения. Применительно к психотерапии это означает, что психопатологические процессы не могут быть локализованы исключительно внутри пациента. Организующая активность аналитика является тем интерессубъективным контекстом, который существенно влияет как на манифестацию, так и на угасание психопатологической продукции пациента. Отсюда целью психоаналитической терапии является «разворачивание, прояснение и трансформация субъективного мира пациента» [6, с. 25].

Если в основании классического психоанализа лежало наивное представление о том, что психоаналитик познает объективную реальность

и в конечном итоге транслирует ее пациенту, исправляя его «ложные связи» и «искажения», то интерсубъективисты утверждают принципиальную нерелевантность такого представления. Так как психоаналитическое исследование основано на эмпатии и интроспекции, то оно принципиально ограничено субъективными реальностями пациента, аналитика и интерсубъективного поля, создаваемого их взаимодействием. Представления об объективной реальности и «искажении», осуществляемом пациентом, являются характерным примером конкретизации – конкретизации субъективных представлений аналитика. Такая позиция существенно затрудняет аналитику понимание субъективной реальности пациента [6, с. 18–19]. Психоаналитическое понимание поэтому стоит рассматривать как интерсубъективный процесс, представляющий собой диалог двух субъективных миров, горизонты смысла которых определяют это понимание. Таким образом, реальность психоаналитической психотерапии является интерсубъективной, она не открывается и не создается, но в результате эмпатического понимания артикулируется, то есть выражается словами. Из такого понимания психоаналитической реальности следует признание важнейшей роли организующей активности аналитика, его вклада в формировании этой реальности собственной эмпатической откликаемостью [6, с. 22–23].

Эмпатическому исследованию в интерсубъективном подходе отводится центральная роль: «непрерывное эмпатическое исследование, проводимое аналитиком, способствует формированию такой интерсубъективной ситуации, в которой у пациента растет ощущение того, что его наиболее сокровенные эмоциональные состояния и потребности могут быть действительно поняты на самом глубоком уровне. Это в свою очередь поощряет пациента к развитию и расширению его собственной способности к саморефлексии, а кроме того – к настойчивости в артикуляции самых болезненных и потаенных сфер его жизни» [6, с. 27].

Заботясь о развитии саморефлексивности психоанализа как теории и практики, авторы интерсубъективного подхода предлагают такие критерии для оценки психоаналитических идей: 1) широта охвата и обобщения содержаний опыта, не представлявшихся ранее в единой теории; 2) саморефлексивность теории, то есть включение ее самой в исследование; 3) способствование эмпатическому пониманию субъективного переживаний [6, с. 24]. Интерсубъективный подход демонстрирует оптимальное соответствие этим критериям, являясь их практическим выражением. Так интерсубъективисты сосредоточены на последовательном осуществлении методов эмпатии и интроспекции, подвергая в связи с этим психоаналитический концептуальный аппарат

критической рефлексии, увеличивая в итоге его соответствие самому широкому полю психических и психопатологических феноменов.

Интерсубъективисты предложили свои критерии для оценки качества психоаналитических интерпретаций, среди которых они выделили следующие: 1) логическую последовательность и согласованность аргументации; 2) совместимость интерпретации с остальными сведениями о психической жизни анализируемого; 3) обстоятельность толкования с разъяснением различных деталей; 4) эстетическую красоту анализа при освещении ранее скрытых способов организации собственной субъективности анализируемого [6, с. 23–24; 7, с. 312–313].

Стремясь к последовательному применению интроспективно-эмпатического метода, интерсубъективисты предельно избирательно относятся к использованию теоретических конструктов, способных облегчать или затруднять эмпатическое понимание. Отбрасывая метапсихологические абстракции (ид, эго, супер-эго, катексис, инстинкт, либидо), интерсубъективисты вслед за Х. Кохутом делают центральными понятия **Я и Я-объекта**, понимаемых соответственно как **связная организация переживаний себя и функция соответствующей аффективной откликаемости на эти переживания**. Такая понятийная избирательность связана с теоретическим сдвигом от мотивационного главенства инстинктов, недоступных эмпатии и интроспекции, к мотивационному главенству переживаний и аффективного развития.

Р. Столору и его коллеги выдвигают и обосновывают **важный тезис: функции Я-объекта существенно связаны с интеграцией аффекта в развивающуюся организацию опыта переживания себя**. При этом «потребность в связях с Я-объектом – это потребность в специфической откликаемости на разнообразные аффективные состояния на протяжении всего развития» [6, с. 100]. Посредством такой созвучной откликаемости осуществляется ряд аспектов аффективного развития, центральных для структуризации опыта переживаний себя. Что важно, рассматривая эволюцию аффектов, интерсубъективисты снимают оппозицию между аффективным и когнитивным аспектами психического. Оба аспекта становятся неразложимыми в результате успешного процесса психического развития, который (как не устают подчеркивать интерсубъективисты) осуществляется, прерывается и возобновляется всегда в особых интерсубъективных контекстах.

Подводя итог, можно сказать, что Р. Столору и его коллеги: 1) не только внесли значительный вклад в решение проблемы понимания психических и психопатологических феноменов, 2) но и предложили оригинальное решение практической задачи повышения

психотерапевтической эффективности, 3) а также смогли так переосмыслить и уточнить систему психоаналитических понятий и теорию в целом, чтобы максимально увеличить их соответствие имеющимся методам исследования и, в конечном счете, исследуемым феноменам, 4) что в результате вывело психоаналитическую теорию из-под критических философских возражений, адресованных классическому психоанализу.

Говоря об ограничениях собственно intersubjectivных решений, следует назвать следующие моменты: 1) использование традиционного философского понятия «intersubjectivности» в весьма нетрадиционном смысле и 2) спутанность теоретического и эмпирического уровней психоаналитического исследования (вряд ли эмпатически-интроспективный метод может быть напрямую применен к теоретическим идеям, как это предполагают авторы [6, с. 35]).

В заключение хочется особо отметить, что данная статья в силу поставленных в ней целей не может претендовать на исчерпывающее изложение клинических следствий и философских аспектов intersubjectivного подхода. Это станет предметом следующих статей.

1. Кохут Х. Анализ самости: Систематический подход к лечению нарциссических нарушений личности / Пер. с англ. – М.: Когито-Центр, 2003. – 368 с.
2. Кохут Х. Интроспекция, эмпатия и психоанализ: исследование взаимоотношений между способом наблюдения и теорией / Антология современного психоанализа. – Т. 1. – М., 2000. – С. 282–299.
3. Руткевич А. М. «Понимающая психология» К. Яспера // История философии. – 1997. – № 1. – С. 23–32.
4. Руткевич А. М. От Фрейда к Хайдеггеру. Критич. очерк экзистенциального психоанализа. – М.: Политиздат, 1985. – 175 с.
5. Руткевич А. М. Психоанализ. Истоки и первые этапы развития (курс лекций). – М.: Форум, 1997. – 352 с.
6. Столороу Р., Брандшафт Б., Этвуд Дж. Клинический психоанализ. Intersubjectivный подход. – М.: Когито-Центр, 1999. – 252 с.
7. Столороу Р., Этвуд Дж. Психоаналитическая феноменология сновидения // Современная теория сновидений. Сборник. – М.: Рефл-Бук, 1999. – С. 307–328.
8. Фрейд З. Введение в психоанализ: лекции. – М.: Наука, 1991. – 456 с.